КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Мая. № 9. 1877 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДВА ЧАСА ПРЕБЫВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ВЪ КІЕВѢ [1]).

21-го апрѣля Его Императорское Величество Государь Императоръ, въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Владиміра Александровича и Князя Сергія Максимиліановича Романовскаго, изволилъ осчастливить Кіевъ своимъ посѣщеніемъ.

Императорскій поѣздъ прибылъ въ Кіевъ ровно въ полдень. На вокзалѣ встрѣтили Его Величество: командующій войсками, губернаторъ, попечитель учебнаго округа, вице-губернаторъ, губернскіе и уѣздные предводители дворянства, дворяне кіевской губерніи, чины двора, городской голова съ избранными отъ городскаго общества депутатами и депутація отъ университета св. Владиміра съ ректоромъ во главѣ. По предварительно испрошенному Высочайшему соизволенію, дворянство, городское общество и университетъ св. Владиміра имѣли счастье поднести Его Императорскому Величеству вѣрноподданнѣйшіе адресы.

Кіевскій губернскій предводитель дворянства, двора Его Императорскаго Величества гофмейстеръ П. Д. Селецкій, прочелъ слѣдующій адресъ отъ дворянства:

1) Изъ «Кіевлянина».

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Дворяне кіевской губерніи, движимые чувствами безпредѣльной любви и преданности къ Тебѣ, возлюбленный Монархъ! восторженно пріемля вѣсть объ объявленіи войны Турціи на защиту достоинства и чести дорогаго, Промысломъ Тебѣ ввѣреннаго, отечества нашего, съ благоговѣніемъ повергаютъ къ стопамъ Твоимъ полную готовность жертвовать собою и своимъ достояніемъ по указанію державной Твоей воли.

«Да хранитъ Господь святую нашу Русь подъ благодѣтельнымъ скипетромъ Твоимъ, да осѣнитъ новой славой побѣдоносное воинство наше и да ниспошлетъ горячо любимому отечеству нашему то величіе и благоденствіе, къ которымъ неуклонно ведетъ его мощная десница Твоя».

Всемилостивѣйше принявъ адресъ, Его Величество изволилъ сказать:

«Благодарю за участіе. Я со всѣхъ сторонъ получаю заявленія и увѣренъ, что дворяне кіевской губерніи не отстанутъ отъ другихъ—на дѣлѣ окажутъ свою готовность, какъ Москва и Петербургъ».

Кіевскій городской голова, д. с. с. Н. К. Ренненкампфъ, поднеся Государю хлѣбъ-соль, привѣтствовалъ Его Величество отъ имени города слѣдующими словами:

«Всемилостивѣйшій Государь!

«Благословивъ храброе русское войско Твое на исполненіе святаго призванія, Провидѣніемъ возложеннаго на Тебя и народъ Твой, и возвращаясь съ предѣловъ древней Болгарской земли, гдѣ должна совершиться святая брань за угнетенное христіанское населеніе, Ты не случайно заходишь прежде въ древнѣйшую столицу предковъ Твоихъ, колыбель нашего православія. Твое сердце найдетъ здѣсь облегченіе и

укрѣпленіе молитвою предъ тѣмъ образомъ Заступницы русскаго народа, который Она сама вручила ему въ залогъ своего вѣчнаго надъ нимъ покрова.

«Вѣдай, Государь, какъ ни дорога Тебѣ кровь наша, но мы не пожалѣемъ ея для святаго дѣла, для чести и славы Россіи. Въ сердцахъ вѣрныхъ Твоихъ кіевлянъ еще крѣпокъ тотъ духъ любви къ отечеству, къ его славѣ и чести, которымъ исполнены были наши предки, оберегавшіе землю русскую отъ варварскихъ ордъ. Подобно имъ, и мы не посрамимъ земли русской; принесемъ ей на жертву и наше достояніе, и нашу жизнь, всегда памятуя незабвенное слово Твоего предка, Великаго преобразователя: «жизнь для насъ не дорога, лишь-бы Россія жила въ счастіи и славѣ».

Удостоивъ принять хлѣбъ-соль, адресъ и приговоръ городской думы о пожертвованіи ста тысячъ рублей на санитарныя потребности арміи, Государь Императоръ осчастливилъ городъ слѣдующими словами:

«Да, вы угадали: я пріѣхалъ помолиться вмѣстѣ съ вами и у васъ. Я всегда былъ увѣренъ въ преданности кіевлянъ,—и я вижу это. Благодарю за пожертвованіе».

Наконецъ, ректоромъ университета св. Владиміра, т. с. А. П. Матвѣевымъ, былъ прочитанъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Возлюбленный Монархъ!

«Прошла пора словъ и настало свѣтлое время святаго дѣла освобожденія нашихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братій, изнывающихъ подъ вѣковѣчнымъ гнетомъ Турціи.

«Это дѣло всегда было завѣтной мечтой великаго Твоего народа. Чуткій къ его стремленіямъ, Ты взялъ въ Свои мощныя руки, возлюбленнѣйшій Государь, осуществленіе его историческихъ завѣтовъ. Провидѣніе поддержитъ Твое вели

кое начинаніе, и не даромъ прольется дорогая для Твоего миролюбиваго сердца русская кровь.

«Во всѣхъ концахъ необъятной державы Твоей раздаются голоса пламеннаго одушевленія Твоего вѣрноподданнаго народа: совершается великій актъ единенія Царя съ своимъ народомъ, и совершается онъ не даромъ—имъ всегда была сильна и непреоборима для врага русская земля.

«Привѣтствуя Тебя въ эту великую для Тебя и для Твоего народа историческую годину въ матери городовъ русскихъ и въ колыбели нашей православной вѣры, Твой вѣрноподданный университетъ св. Владиміра дерзаетъ выразить передъ Тобою, обожаемый православный Царь, свою благоговѣйную преданность и готовность всѣ свои помышленія, слова и дѣянія отдать на служеніе Тебѣ, Богомъ дарованному хранителю чести и славы родной Россіи».

Выслушавъ изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ университета, Его Величество изволилъ произнести:

«Я увѣренъ, что ваша молодежь, послужитъ отечеству, когда это потребуется. Благодарю».

Принявъ депутаціи Государь Императоръ, пригласивъ въ свой экипажъ г. начальника края и сопровождаемый Государемъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Княземъ Сергіемъ Максиміліановичемъ и экипажами всей свиты [1]) изволилъ прослѣдовать чрезъ Беза-

[1]) Въ свитѣ Его Величества находились: министръ двора, военный министръ, генер. штаба полковникъ Барминъ, флигель адъютантъ полк. князь Долгоруковъ, генералъ-адъютантъ императора германскаго Вердеръ и флигель-адъютантъ императора австрійскаго баронъ Бехтольсгеймъ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, шефъ жандармовъ генералъ-адъютантъ Мезенцевъ, генералъ-адъютанты Воронцовъ-Дашковъ, Рылѣевъ и Воейковъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ Салтыковъ, статсъ-секретарь Гамбургеръ, лейбъ-медикъ Боткинъ.

ковскую улицу и Бибиковскій бульваръ до Бессарабской площади; оттуда по Крещатику до Европейской гостинницы, а потомъ по Александровской улицѣ, мимо дворца, черезъ новый паркъ и Никольскія ворота, прямо въ Лавру. Все это пространство, отъ вокзала до Лавры, на протяженіи пяти верстъ, было, по обѣимъ сторонамъ улицъ и площадей, буквально залито сплошною, но стройною массою народа; все время слѣдованія Его Величества по этому пути, при торжественномъ звонѣ колоколовъ, стоялъ одинъ непрерывный, восторженный кликъ: «ура», которымъ ликующій народъ привѣтствовалъ своего Державнаго Отца. Когда Царскій поѣздъ приблизился къ памятнику гр. Бобринскаго, къ народнымъ кликамъ присоединился гимнъ «Боже Царя храни», которымъ привѣтствовали Государя около 2000 воспитанниковъ гражданскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. У прекрасной тріумфальной арки, воздвигнутой на Бессарабской площади, гимнъ воспитанниковъ былъ продолжаемъ хоромъ пѣвцовъ, изъ типографскихъ и другихъ ремесленныхъ артелей, одѣтымъ въ народные костюмы. По всему Крещатику дома были украшены безчисленнымъ множествомъ русскихъ флаговъ, бюстами Императора, коврами, вензелями и цвѣтами; вверху изъ открытыхъ оконъ и балконовъ дамы и дѣти привѣтствовали Государя одушевленными криками и махали платками; на улицѣ же, въ массахъ народа, многіе падали на колѣни, благословляя Монарха крестнымъ знаменіемъ. У прекрасно декорированнаго флагами и эмблемами и осѣняемаго изображеніемъ святаго патрона Кіева, архангела Михаила, городскаго дома, на встрѣчу Его Величеству раздался народный гимнъ, исполненный хоромъ и оркестромъ кіевскаго музыкальнаго общества; при чемъ видъ городскаго зданія обратилъ на себя и на этотъ разъ особое вниманіе

Государя Императора. На царской площади, украшенной изящной аркой, съ флагами и гербами, воспитанники кіевскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, въ числѣ около 1000 человѣкъ, еще разъ привѣтствовали Государя народнымъ гимномъ. Встрѣченный на углу Александровской улицы, передъ дворцомъ, воспитанниками кіевскихъ ремесленныхъ школъ и благотворительныхъ заведеній, Его Величество прослѣдовалъ черезъ новый паркъ, вновь удостоившійся Высочайшей похвалы. Въ проѣздъ Государя черезъ паркъ, раздавались звуки народнаго гимна, исполняемаго оркестромъ и хоромъ артистовъ кіевской оперной труппы.

У большихъ воротъ Печерской Лавры Его Императорское Величество былъ встрѣченъ преосвященными—Порфиріемъ, епископомъ чигиринскимъ и Филаретомъ, епископомъ уманскимъ, съ соборомъ бѣлаго и чернаго духовенства, и, предшествуемый духовенствомъ съ крестомъ и св. хоругвями, вступилъ во дворъ св. Успенскія Лавры, гдѣ, по обѣимъ сторонамъ царскаго пути, стояло въ стройномъ порядкѣ болѣе 1,700 воспитанницъ свѣтскихъ и духовнаго женскихъ учебныхъ заведеній, усыпавшихъ цвѣтами путь своего обожаемаго Отца и Покровителя. У самаго входа въ великую церковь, Государя Императора встрѣтили всѣ служащіе гражданскіе и отставные военные чины, а въ самой церкви городскія дамы. Вступивъ въ св. храмъ, Государь Императоръ изволилъ слушать краткое молебствіе и затѣмъ, вмѣстѣ съ Августѣйшими Дѣтьми Своими, молитвенно преклонился предъ древнею св. иконою Печерской Божіей Матери и раками святыхъ угодниковъ, въ соборной церкви почивающихъ. Послѣ того какъ епископъ Порфирій вручилъ Его Величеству и Великимъ Князьямъ св. иконы Печерской Божіей Матери, Государь, видимо растроганный, обнялъ и поцѣловалъ своего

возлюбленнаго Наслѣдника, какъ-бы повѣряя Его святынѣ кіевской. На возвратномъ шествіи Его Величество милостиво говорилъ съ воспитанницами учебныхъ заведеній и отъ одной изъ болгарокъ [1], получающихъ воспитаніе отъ щедротъ Царскихъ, соизволилъ принять букетъ цвѣтовъ.

Изъ Лавры Его Величество, черезъ Васильковскія ворота, выѣхалъ прямо на эксп.ланаду цитадели, гдѣ произвелъ смотръ кіевскому юнкерскому училищу, вновь сформированной 1-й резервной саперной ротѣ, рязанскому и бѣлевскому полкамъ 18-й дивизіи, 2-мъ батальонамъ мѣстнаго полка и, сверхъ того, изволилъ осматривать обозы этихъ полковъ, подвижной дивизіонный лазаретъ 18-й дивизіи, а также полевой и осадный инженерные парки. Объѣхавъ войска и пропустивъ ихъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ баталіонными колоннами, Государь Императоръ собралъ офицеровъ 2-хъ полковъ и саперной роты и, въ обращенныхъ къ нимъ нѣсколькихъ словахъ, напомнилъ о славной службѣ полковъ въ прежнія войны и выразилъ надежду, что и въ томъ дѣлѣ, къ которому теперь призваны, они поддержатъ честь русскаго имени. Затѣмъ Государь проѣхалъ насквозь общія колонны войскъ и, обращаясь поочередно къ каждому баталіону, въ милостивыхъ словахъ напутствовалъ ихъ на предстоящій подвигъ. Выразивъ командующему войсками кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютанту А. Р. Дрентельну благодарность за блистательное состояніе осмотрѣнныхъ войскъ, Его Величество подъѣхалъ къ выстроившимся на плацу воспитанникамъ военной гимназіи и поздоровался съ ними. Послѣ смотра, Государь Императоръ возвратился тѣмъ-же путемъ,

[1]) Всѣхъ воспитанницъ болгарокъ въ Кіевѣ 18.

сопутствуемый массами народа, при восторженныхъ кликахъ и звукахъ народнаго гимна, на вокзалъ желѣзной дороги.

На вокзалѣ Государь Императоръ былъ встрѣченъ въ царскихъ покояхъ дамами высшаго мѣстнаго общества, имѣвшими счастье поднести Ему каждая по букету прекрасныхъ живыхъ цвѣтовъ. Государь Императоръ изволилъ милостиво принимать букеты и благодарить каждую даму отдѣльно; затѣмъ, сопровождаемый дамами, депутаціями и чинами придворнаго гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, при восторженныхъ кликахъ народа, залившаго всю платформу, и при звукахъ оркестра, исполнявшаго народный гимнъ, изволилъ, съ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ, войти въ Императорскій вагонъ. Поѣздъ стоялъ еще нѣсколько минутъ, потому что Его Величество, какъ намъ передавали, былъ занятъ чтеніемъ полученныхъ Имъ тутъ же телеграммъ и отвѣтомъ на нихъ. Затѣмъ, удостоивъ пригласить гг. начальника края и командующаго войсками въ Императорскій вагонъ и поблагодаривъ ихъ за все видѣнное Имъ въ городѣ и на смотру, Его Величество милостиво простился съ ними.

Наконецъ, Государь явился у дверей вагона, посылая послѣдній привѣтъ народу, но, при видѣ обожаемаго Монарха, поднялся такой оглушительный и восторженный кликъ въ массѣ, что словъ Государя невозможно было слышать. Тогда Его Величество былъ такъ несказанно милостивъ, что, чрезъ начальника края, соизволилъ передать кіевлянамъ слова, которыя никогда не изгладятся изъ ихъ памяти:

«Сейчасъ получилъ депешу отъ Императрицы. Она поручаетъ мнѣ кланяться и благодарить кіевлянъ».

Императорскій поѣздъ двинулся—и вслѣдъ за нимъ понеслись такія горячія благословенія и слышались такіе восторженные клики, которые можно слышать, видѣть и чувствовать; но слишкомъ бѣденъ языкъ человѣческій, чтобы передать словами испытанныя въ эти минуты, потрясающія душу впечатлѣнія.

Знаменательный день! Все видѣнное, слышанное и прочувствованное 21 апрѣля 1877 года кіевлянами будетъ передаваться ими изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ память о лучшихъ, свѣтлыхъ минутахъ, испытанныхъ въ жизни.

ПОУЧЕНІЕ

(по прочтеніи Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею).

Съ глубочайшимъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ выслушали вы, братіе христіане, слова Боговѣнчаннаго Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего, повелѣвающія доблестнымъ войскамъ нашимъ вступить въ предѣлы Турціи....

Итакъ—начинается война... война священная, потому что цѣль ея не честолюбіе наше, не матеріальныя какія либо выгоды, не завоеваніе городовъ, не пріобрѣтеніе новыхъ земель и т. п., а защита единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ братій Славянъ отъ тяжкаго ига мусульманскаго владычества, отъ тѣхъ обидъ и притѣсненій, отъ тѣхъ злодѣйствъ и неистовствъ, которые дѣлали и дѣлаютъ турки надъ православными нашими братіями; мы обнажаемъ мечь свой за славу пресвятаго имени Божія, поругаемаго нечестивыми, за неизобразимыя страданія и кровь собратій нашихъ о Христѣ, пролитую и проливаемую изувѣрными гонителями вѣры и церкви православной.

Послѣ многознаменательныхъ словъ Возлюбленнаго Монарха нашего, сказанныхъ въ Москвѣ, о предпринятой Имъ защитѣ славянскихъ нашихъ братій, послѣ передвиженій нашихъ доблестныхъ войскъ на югъ, мы со дня на день ожидали, что вотъ, вотъ начнется священная брань..., что мы вооруженною рукою облегчимъ и улучшимъ участь страдающихъ собратій, и такъ почти полгода находились въ тяжеломъ, томительномъ ожиданіи развязки дѣла. Но мы не должны были забывать, что Благочестивѣйшій и Миролюбивѣйшій Государь нашъ, принявъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ по вѣрѣ и происхожденію братій и желая облегчить участь ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что «истинные интересы нашего любезнаго отечества для Него дороже всего, что Онъ желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь».... Вотъ гдѣ причина казавшагося нашего военнаго бездѣйствія! Государь жалѣлъ русской крови... и надѣялся, совокупно съ другими Европейскими державами, путемъ мирныхъ переговоровъ достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ, огражденія правъ ихъ отъ произвола мѣстныхъ властей. Но всѣ миролюбивыя настоянія не привели ни къ чему; турки не приняли дружественныхъ совѣтовъ и внушеній для огражденія христіанъ отъ насилій, для облегченія ихъ страдальческой участи. И вотъ—теперь то настала пора нашего дѣйствованія... наши доблестныя войска, напутствованныя благословеніемъ своего обожаемаго Монарха, подъ царственнымъ главноначальствомъ двинулись въ предѣлы Турціи для защиты единовѣрныхъ и единокровныхъ собратій...

Кровью обливается сердце, когда представляешь тѣ ужасы, которыми сопровождается каждая война,—тѣ страшныя орудія, которыя выдумало человѣческое искусство для

скорѣйшаго и как можно большаго пролитія крови воюющими сторонами; сердце обливается кровью при представленіи тѣхъ опустошеній, которыя неизбѣжны въ мѣстахъ, гдѣ происходитъ война,—и тѣмъ больше обливается оно кровью, когда знаешь, что враги наши—турки въ своемъ необузданномъ фанатизмѣ не щадятъ ни пола, ни возраста и въ безумной ярости своей все христіанское нещадно предаютъ огню и мечу...

Но не кровью ли также обливались сердца наши, когда мы читали о тѣхъ звѣрствахъ и неистовствахъ, которыя совершали турки надъ неповинными, не воевавшими болгарами, боснійцами, герцеговинцами и другими славянами? Какъ горько намъ было, когда мы узнавали, что за малѣйшее преступленіе турки безнаказанно убиваютъ этихъ христіанъ, на долгіе годы отправляютъ ихъ въ ссылку и каторгу, сажаютъ ихъ въ мрачныя, подземныя тюрьмы, гдѣ ползаютъ змѣи и скорпіоны, въ тяжелыхъ кандалахъ, самымъ безчестнымъ образомъ безчестятъ женщинъ и торгуютъ ими какъ скотомъ, грудныхъ невинныхъ младенцевъ убиваютъ, или обвариваютъ въ кипяткѣ въ насмѣшку надъ св. крещеніемъ, живыхъ людей привязываютъ къ вертелу и жарятъ на огнѣ, съ живыхъ людей сдираютъ кожу, живыхъ людей четвертуютъ, рубятъ на куски и бросаютъ на съѣденіе собакамъ.... Тогда мы, съ слезами на глазахъ, не могши ничего болѣе сдѣлать, приносили посильныя пожертвованія въ пользу этихъ великихъ страдальцевъ. Теперь и Миролюбивый Государь Императоръ нашъ рѣшился силою оружія положить конецъ всѣмъ этимъ звѣрствамъ и неистовствамъ... Какое же мы примемъ участіе въ этой священной брани?

Государь Императоръ, обнажая свой мечь противъ враговъ креста Христова и скорбя сердцемъ о крови доблест-

ныхъ Своихъ воиновъ, которая необходимо болѣе или менѣе будетъ пролита, сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ правоту и святость своего подвига, потому, призывая на выступившихъ въ предѣлы Турціи воиновъ благословеніе Божіе «смиренно уповаетъ въ успѣхѣ Своей брани на помощь и милосердіе Всевышняго». Къ этой-то Всевышней помощи должны быть первѣе всего устремлены души и сердца наши. Потому первый нашъ долгъ, первая наша обязанность, первое наше участіе въ священной брани должны состоять въ пламенной молитвѣ, чтобы Господь, Защитникъ правовѣрныхъ, ополчившій на брань за нихъ Благочестивѣйшаго Императора нашего, укрѣпилъ десницу Христолюбивыхъ нашихъ воиновъ силою крѣпости Своея, чтобы даровалъ имъ неослабну, непреоборимy крѣпость и мужество съ храбростію на попраніе и сокрушеніе враговъ и супостатъ нашихъ,—чтобы исполнилъ студа и безчестія лица враговъ нашихъ, а сердца ихъ страха и ужаса, и Ангелъ Господень да будетъ погоняяй и поражаяй ихъ,—чтобы услышалъ отъ церкви святыя Своея вопль и воздыханіе единовѣрныхъ нашихъ, отъ враговъ и супостатъ порабощенныхъ рабовъ Своихъ и изведъ изъ тли животъ ихъ... (молебн. пѣн. въ нашеств. суп.). Такова первая и священная наша обязанность, которую неослабно мы должны исполнять въ продолженіе всего военнаго времени!

Затѣмъ, по требованію военныхъ обстоятельствъ, мы дожны быть готовы на всѣ жертвы, въ чемъ бы онѣ ни состояли—до пролитія крови. Будемъ надѣяться, что до послѣдней жертвы очень далеко; но попеченіе о больныхъ и раненыхъ нашихъ воинахъ, каковые несомнѣнно будутъ съ первыми непріятельскими выстрѣлами, попеченіе объ оставленныхъ ими семействахъ—священный долгъ нашъ—

мирныхъ жителей. Наши братья Христолюбивые воины должны знать, что за ними стоитъ готовая на всѣ жертвы вся Россія,—они должны быть увѣрены, что ихъ жены, ихъ вдовы и сироты—дѣти не будутъ нами покинуты. И какъ мы недавно приносили свои жертвы въ пользу страждущихъ Славянъ, тѣмъ конечно съ большею охотою, съ большимъ усердіемъ и любовію польются наши пожертвованія и деньгами и вещами для нашихъ Христолюбивыхъ воиновъ, идущихъ защищать славу креста Христова и выручать изъ неволи страждущихъ подъ мусульманскимъ игомъ нашихъ братій.

Мы должны твердо помнить самое главное: объявленная Благочестивѣйшимъ Государемъ нашимъ война—*священная*,—мы вооружились *за правое*, *святое* дѣло. А правому дѣлу Богъ помогаетъ. Потому, какъ скажетъ намъ св. церковь, не на лукъ нашъ, не на оружіе наше главнымъ образомъ уповаемъ, а на всесильную помощь Божію. Наши Христолюбивые, доблестные воины будутъ подвизаться подъ осѣненіемъ Животворящаго креста Господня, тогда какъ враговъ нашихъ будетъ осѣнять зеленое знамя лжепророка—Магомета... . Съ нами Богъ! И да уразумѣютъ вси языцы, яко съ нами Богъ!..

Итакъ, братіе христіане, принося въ настоящія священныя минуты первую жертву на алтарь отечества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ вонмемъ молитвѣ, которую сейчасъ предложитъ намъ св. церковь, и какъ кадило благовонное, какъ фиміамъ благоуханный, вознесемъ къ престолу Всевышняго молитвенный вопль: «Всемогущій Боже, защитниче правѣрныхъ! посли стрѣлы твоя и смятеніе сотвори врагамъ нашимъ, блесни молнія и разжени я, посли руку

Твою свыше, и покори ихъ, и въ руки вѣрному Твоему воинству и Императору нашему предаждь, молимтися, услыши и помилуй». (молебн. пѣн.) Аминь.

Протоіерей *Ал. Воскресенскій*.

БІБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Ученіе Аусбургскаго исповѣданія и его апологіи о первородномъ грѣхѣ. Сочиненіе приватъ-доцента кіевской духовной академіи М. Ястребова. 1877 г. ц 1 рубль.

Въ прошлый разъ (см. 8 № Кіевск. Епарх. Вѣд.) мы сообщали о диспутѣ приватъ-доцента Ястребова, защищавшаго въ кіевск. дух. академіи сочиненіе на степень магистра богословія. Объемъ сообщенія не позволилъ намъ въ свое время подробно остановиться на содержаніи сочиненія, матеріалъ для чего доставляла самая рѣчь магистранта. Сдѣлаемъ это въ настоящее время.

Лютеранское ученіе о первородномъ грѣхѣ, по книгѣ г. Ястребова, можетъ быть представлено въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ:

I. Въ понятіе о первородномъ грѣхѣ лютеране вводятъ два момента, *утрату первобытной праведности* (carentia justitiae originalis) и *похоть* (concupiscentia), разумѣя подъ первобытною праведностію состояніе даннаго въ актѣ творенія, натуральнаго *совершенства* природы первосозданнаго человѣка, его низшихъ, особенно же высшихъ, духовныхъ силъ и способностей,—подъ похотью обратно—противоположное первобытной праведности состояніе *поврежденія* чело-

вѣческой природы, проходящаго чрезъ *всѣ* ея, высшія и низшія, силы.

II. Повреждение это, какъ оно ни глубоко съ точки зрѣнія лютеранской доктрины, не должно быть мыслимо, однако, тождественнымъ съ изглажденіемъ и уничтоженіемъ въ падшемъ человѣкѣ основныхъ, духовно-нравственныхъ силъ, разума и воли: и въ падшемъ человѣкѣ основныя силы духа представляются у лютеранъ *живыми*, проявляющимися *въ дѣятельности* способностями въ области *гражданской праведности* (justitia civilis), но *мертвыми* и *недѣятельными* въ области *духовной праведности* (justitia spiritualis). Подъ гражданскою праведностію разумѣется у лютеранъ область *спекулятивныхъ* истинъ и общихъ *нравственно-религіозныхъ* принциповъ, мыслимыхъ въ понятіи о *естественномъ законѣ*,—подъ духовною праведностію область собственно *евангельская*, *христіанско-сотеріологическая*, обнимающая тѣ моменты духовно нравственной жизни, изъ которыхъ слагается обращеніе и возрожденіе человѣка.—Не отрицая ученіемъ о гражданской праведности, въ падшемъ человѣкѣ, стремленій къ *истинѣ* и *красотѣ* (философско-научныхъ и художественно-эстетическихъ), любви къ *добру* и отвращенія ко *злу*, *религіозной* идеи, представленія о *Богѣ*, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра, признанія *откровеннаго* закона (въ его такъ называемомъ у лютеранъ «политическомъ», т. е. внѣшнемъ, дисциплинарномъ значеніи), лютеране *рѣшительно* и *всецѣло* отрицаютъ въ немъ ученіемъ о духовной праведности *скорбь* и *сознаніе о грѣхѣ*, *желаніе спасенія* и *вѣру* въ откровенный законъ (въ его подготовительномъ къ евангелію значеніи), въ евангеліе и раскрываемыя въ евангеліи обѣтованія и истины, приписывая пробужденіе въ человѣкѣ этой скорби

о грѣхѣ, этого желанія спасенія и этой вѣры въ законъ и евангеліе *исключительно благодати* Св. Духа.

Къ такимъ принципамъ можетъ быть сведено лютеранское ученіе о сущности и слѣдствіяхъ первороднаго грѣха. Если поставить эти принципы въ связь съ основными пунктами лютеранской богословской системы, то связь эта, по мнѣнію г. Ястребова, должна быть представлена въ слѣдующемъ общемъ генезисѣ. По лютеранскому ученію, Богъ самымъ актомъ творенія поставилъ человѣка предъ Собою, такъ сказать, лицемъ къ лицу, соединилъ его жизнь съ божественною жизнію тысячью нитей, обратилъ на Себя всѣ его помышленія, чувства и стремленія, такъ что человѣкъ, какъ говоритъ Лютеръ, и пилъ, и ѣлъ, и спалъ, и ловилъ птицъ—все это дѣлалъ во славу Божію: его жизнь была истиннымъ служеніемъ Богу, а самъ онъ, по выраженію Механхтона, былъ cultor et sacerdos Dei. Своимъ паденіемъ человѣкъ разрушилъ эту близость къ Богу, порвалъ связывавшія его съ божественною жизнію нити. Ниспавши изъ лона божественной жизни, духъ человѣка сосредоточился на томъ, что стало для него всего ближе, на самомъ себѣ и мірѣ, т. е. погрузился въ область бытія діаметрально противоположнаго тому, участникомъ котораго былъ прежде. И какъ прежде все, что человѣкъ ни дѣлалъ, даже такія естественныя и безразличныя отправленія, какъ сонъ и питаніе, все это было хвалою Богу, какъ теперь и самыя, по видимому, лучшія и благороднѣйшія движенія духа сдѣлались хулою на Бога, потому что движенія эти начали истекать изъ новыхъ симпатій, направляться къ новымъ богамъ. Съ другой стороны, вслѣдствіе паденія человѣкъ подвергся безмѣрному гнѣву Божію, проклятію, вѣчной смерти и владычеству діавола.

Вслѣдъ за прародительскимъ паденіемъ Богъ изрекаетъ слово закона и евангелія, долженствовавшихъ служить для человѣка первый зеркаломъ, изображающимъ всю безмѣрную глубину его падшаго состоянія, послѣднее кроткимъ обѣтованіемъ объ Искупителѣ, а наконецъ, въ опредѣленное время, посылаетъ на землю и самого Искупителя Но падшій человѣкъ смотритъ на откровенный законъ, какъ на простой юридическій кодексъ, дѣлая изъ него приложеніе только къ внѣшней сторонѣ своей индивидуальной и общественной жизни, а въ евангеліи не постигаетъ сочетанія, которымъ связывается въ предложеніяхъ подлежащее съ сказуемымъ. Вотъ, ноконецъ, касается человѣка благодать и—законъ становится для него дѣйствительнымъ зеркаломъ: человѣкъ усматриваетъ въ немъ и то, съ какими совершенствами онъ былъ сотворенъ, и то, въ состояніи какого глубокаго поврежденія находится теперь,—и прежнее благоволеніе къ себѣ Божіе, и настоящій, тяготѣющій на себѣ гнѣвъ Божій,—и настоящія злополучія, и ожидающія вѣчныя наказанія. Это—начальный моментъ обращенія, состояніе ужаса и смятеній совѣсти, скорби о грѣхѣ и раскаянія. Оставленный въ этомъ состояніи, человѣкъ, подобно Израилю предъ Синаемъ, стоитъ предъ грозными словами закона, открывающими ему Бога гнѣвающагося и проклинающаго, и въ концѣ концевъ приходитъ въ отчаяніе, если только не посѣщаетъ его снова благодать. Но вотъ человѣка касается снова благодать и сообщаетъ ему вѣру въ евангельскія обѣтованія, въ прощеніе грѣховъ: человѣкъ приходитъ къ познанію Искупителя, *оправдывается*.

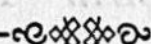
Итакъ, человѣкъ справдывается не закономъ, а *вѣрою*, не дѣлами закона, а *одною* вѣрою: такую, обыкновенно, формулу даютъ лютеране своему догмату объ оправданіи.

Связь этого догмата съ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ, въ лютеранской догматикѣ, несомнѣнна и очевидна. Человѣкъ, по лютеранскому ученію, палъ такъ глубоко, что стоитъ предъ областью евангелія, какъ существо *абсолютно пассивное*, не только не будучи въ состояніи сдѣлать что-нибудь для своего обращенія, но не подозрѣвая и нужды въ обращеніи. Это, какъ сравниваетъ Лютеръ, соляной столпъ, въ который превращена жена Лота, бездушный образъ, безжизненная статуя, безъ глазъ, безъ чувствъ, безъ сердца. Благодать впервые одушевляетъ этотъ мертвый образъ, эту мертвую статую, пробуждая въ человѣкѣ закономъ сознаніе о томъ ужасномъ состояніи, въ которомъ находится онъ; отселѣ человѣкъ уже не мертвая статуя а *преступникъ*, стоящій предъ закономъ и подлежащій карамъ этого закона. Новымъ актомъ благодати человѣку сообщается вѣра въ евангеліе, изъ котораго онъ почерпаетъ познаніе о томъ, что грѣшному *человѣчеству* даровано прощеніе ради искупительной смерти І. Христа, что І. Христосъ былъ Агнцемъ Божіимъ, взявшимъ на Себя грѣхи *міра*, что Богъ стоитъ теперь къ человѣку не какъ гнѣвный и карающій Судія, а какъ исполненный любви и милости Отецъ. Человѣкъ, какъ *индивидуальная* личность, переноситъ и на себя плоды искупительной смерти І. Христа, усвояетъ ихъ, вмѣняетъ себѣ, и изъ преступника становится *праведникомъ*. Но праведникомъ становится онъ *не по существу* своему, *не реально*, а, такъ сказать, юридически, такъ сказать, подводя себя подъ тотъ оправдательный приговоръ, подъ тотъ милостивый манифестъ, которымъ была для міра крестная смерть Спасителя. Въ глубинѣ же своего существа онъ остается при томъ же развращеніи, съ тѣмъ же поврежденіемъ, съ которыми и рождается, съ похотью, только похоть не вмѣняется

ему во грѣхъ: за нее именно и страдалъ Спаситель, она именно и прощена человѣчеству по силѣ крестной смерти Сына Божія. Грѣхомъ въ собственномъ смыслѣ слова, грѣхомъ, на которомъ тяготѣли проклятіе Божіе и гнѣвъ Божій, похоть была въ ветхозавѣтное время; теперь она— также грѣхъ, но грѣхъ, съ котораго сняты проклятіе и гнѣвъ Божій,—въ очахъ Божіихъ она мерзость и теперь, но мерзость въ любимомъ сынѣ, которому отецъ прощаетъ преступленія, потому что любитъ его. Таковъ смыслъ лютеранскаго догмата объ оправданіи. Въ немъ находятъ свое полное выраженіе оба момента, полагаемые лютеранами въ понятіи о первородномъ грѣхѣ, утрата первобытной праведности и похоть, первый—въ представленіи о совершенной пассивности человѣка въ фактѣ обращенія, послѣдній— въ представленіи объ оправданіи не какъ объ актѣ внутренняго измѣненія и возрожденія человѣка, а какъ объ актѣ внѣшняго вмѣненія человѣку плодовъ искупительной смерти Сына Божія.

Такимъ образомъ, человѣкъ самымъ рожденіемъ своимъ становится праведникомъ, только еще не знаетъ объ этомъ, доколѣ благодать не сообщаетъ ему вѣры въ евангеліе. Отсюда въ сущности нѣтъ различія между окрещенными и некрещенными: и послѣдніе, какъ искупленные цѣною крови Сына Божія, суть праведники, только еще не знаютъ о томъ. Въ такомъ случаѣ какое же значеніе крещенія? Ясно, что оно не сообщаетъ человѣку никакой благодати,—оно не болѣе, какъ *знакъ* принадлежности человѣка къ обществу вѣрующихъ: вотъ основной взглядъ лютеранъ на *таинства*, какъ на знаки, какъ на печати, которыми отмѣчаются вѣрующіе.

Наконецъ, съ уничтоженіемъ различія между окрещенными и некрещенными, раздвигаются, очевидно, предѣлы *церкви*: она—не опредѣленное общество, съ опредѣленнымъ церковнымъ устройствомъ, съ благодатными средствами и богоучрежденною властію, а всѣ тѣ, за которыхъ пролита искупительная кровь Спасителя,—всѣ люди, жившіе, живущіе и имѣющіе жизнь, безъ различія времени, мѣста и религіи, нѣчто неуловимое, разсѣянное по всѣму пространству міра, *невидимое общество святыхъ*.

Содержаніе: Два часа пребыванія Государя Императора въ Кіевѣ.—Поученіе (по прочтеніи Высочайшаго манифеста о войнѣ съ Турціею).—Библіографическая замѣтка.—Объявленія.

Печатать дозволяется. 3-го Мая 1877 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.